

УДК 902/904
EDN SNSKPY

<http://vestnikniign.ru>

Научная статья

ОСОБЕННОСТИ ХОЗЯЙСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТАТАРСКОЙ ДЕРЕВНИ ВОСТОЧНОГО ЗАКАМЬЯ В XIX — НАЧАЛЕ XX в. (на примере деревни Шингальчи)

Р. Р. Исаков, Х. З. Багаутдинова✉

Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан,
г. Казань, Россия
✉halida12_61@mail.ru

Аннотация

Введение. Общество татар Волго-Уральского региона до начала XX в. было аграрным, поскольку основную часть населения составляли хлебопашцы. В связи с этим особое значение имеет история деревень. Через нее, через судьбы отдельных людей можно изучить общую историю народа. На примере татарской деревни Шингальчи мы попытались рассмотреть особенности хозяйственно-экономического развития татарского сельского населения в Мензелинском уезде Оренбургской/Уфимской губернии в XIX — начале XX в.

Материалы и методы. В ходе работы нами были задействованы методологические подходы, позволяющие комплексно рассмотреть и проанализировать социальные процессы, происходившие в татарской деревне Восточного Закамья в дореволюционный период. Источниковой базой исследования выступили архивные материалы из фондов Российского государственного архива древних актов, Государственного архива Республики Татарстан и Национального архива Республика Башкортостан и опубликованные статистические и делопроизводственные материалы данного времени.

Результаты исследования и их обсуждение. В ходе исследования проанализированы и рассмотрены важнейшие аспекты социально-экономического развития татарской деревни Восточного Закамья в XIX — начале XX в. Отмечаются значительные изменения, происходившие в жизни татар-хлебопашцев в пореформенный период, связанные с переходом от натурального хозяйствования к товарно-денежным отношениям, а также нарастанием «земельного голода». Дается оценка роли неземледельческих занятий в жизни сельского населения данного региона.

Заключение. В XIX — начале XX в. татарская деревня Восточного Закамья сохраняла традиционный характер хозяйственной жизнедеятельности, адаптируясь к быстро меняющимся социально-экономическим условиям. Основой данной модели была опора на земледельческое производство при развитии отхожих промыслов.

Ключевые слова: Восточное Закамье, татарская деревня, социально-экономическое развитие, Уфимская губерния, д. Шингальчи

Для цитирования: Исаков Р. Р., Багаутдинова Х. З. Особенности хозяйственно-экономического развития татарской деревни Восточного Закамья в XIX — начале XX в. (на примере деревни Шингальчи) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2024. Т. 16, № 3. С. 73 — 86. EDN SNSKPY

Original article

FEATURES OF ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE TATAR VILLAGE OF EASTERN TRANS-KAMYA IN THE XIX — BEGINNING OF THE XX CENTURY (Using the Example of the Village of Shingalchi)

R. R. Iskhakov, Kh. Z. Bagautdinova✉

Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences,
Kazan, Russia

✉halida12_61@mail.ru

Abstract

Introduction. For the Tatars of the Volga-Ural region, whose society until the beginning of the twentieth century. Was agricultural, and about 90 % of the population were farmers; the history of the villages is of particular importance. In fact, the past of an individual village is a personalized cross-section of the general history of the people, by studying which you can learn many previously unknown pages, get acquainted with facts “from the inside,” through the fates of individual people who lived in a particular era. In this publication, using the example of a separate settlement — the village of Shingalchi, an attempt is made to consider the features of the economic development of the Tatar rural population of the Menzelinsky district of the Orenburg / Ufa province in the XIX — early XX centuries.

Materials and methods. The work used methodological approaches tested in modern Russian historiography, allowing for a comprehensive examination and analysis of the social processes that took place in the Tatar village of Eastern Trans-Kama in the pre-revolutionary period. The source base for the study was archival materials from the collections of the Russian State Archive of Ancient Acts, the State Archive of the Republic of Tatarstan and the National Archive of the Republic of Bashkortostan, as well as published statistical and records materials of the time.

Results and discussion. In the course of the study, the most important aspects of the socio-economic development of the Tatar village of Eastern Trans-Kama in the XIX — early XX centuries were analyzed and considered. Significant changes are noted that took place in the life of Tatar farmers in the post-reform period, associated with the transition from subsistence farming to commodity-money relations, as well as the increase in “land hunger”. An assessment is made of the role of non-agricultural activities in the life of the rural population of this region.

Conclusion. In the XIX — beginning of the XX centuries. The Tatar village of Eastern Trans-Kama region maintained the traditional nature of economic activity, adapting to rapidly changing socio-economic conditions. The basis of this model was reliance on agricultural production with the development of waste industries.

Keywords: Eastern Trans-Kama region, Tatar village, socio-economic development, Ufa province, village of Shingalchi

For citation: Iskhakov RR, Bagautdinova KhZ. Features of the Economic Development of the Tatar Village of Eastern Trans-Kama in the XIX — Beginning of the XX Centuries (Using the Example of the Village of Shingalchi). *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2024;16(3):73—86. EDN SNSKPY

Введение

Для татар Волго-Уральского региона, общество которых вплоть до начала XX в. являлось аграрным, а около 90 % населения были хлебопашцами, особое значение имеет история деревень. По сути, прошлое отдельной деревни представляет собой персонифицированный срез общей истории народа, изучая которую можно узнать множество неизвестных ранее страниц, познакомиться с фактами «изнутри», через

судьбы отдельных людей, проживавших в ту или иную эпоху. Для татар-хлебопашцев земля являлась главным достоянием и мерилем богатства, а земледелие — основным, а для большинства единственным занятием, от которого зависело их материальное благосостояние. В данной публикации на примере отдельного населенного пункта — татарской деревни Шингальчи — предпринята попытка рассмотреть особенности хозяйственно-экономического развития татарского сельского населения Мензелинского уезда Оренбургской/Уфимской губернии в XIX — начале XX в.

Обзор литературы

Тема социально-экономического развития татарской деревни Восточного Закамья дореволюционного периода в целом, и д. Шингальчи в частности, ранее специально не изучалась. Отдельные аспекты истории татарского сельского населения Мензелинского уезда затрагивались в обзорных работах, посвященных социально-экономической истории крестьян Уфимской губернии [2]¹, изучению истории татарских селений Актанышского края [3] и материальной культуры татар Волго-Уралья [4].

Материалы и методы

Основой для работы послужили опубликованные статистические и делопроизводственные материалы, а также разноплановые архивные документы из фондов Российского государственного архива древних актов (РГАДА), Государственного архива Республики Татарстан (ГА РТ) и Национального архива Республика Башкортостан (НА РБ), а также опубликованные статистические и делопроизводственные материалы того времени.

В работе использовались апробированные в современной отечественной историографии методологические подходы, позволяющие рассмотреть и проанализировать социальные процессы, происходившие в татарской деревне Восточного Закамья в дореволюционный период. Основным научным методом исследования стал сравнительно-исторический, под которым понимается анализ исторических событий в развитии, во взаимосвязи причинно-следственных отношений.

Результаты исследования и их обсуждение

В результате Генерального межевания, проведенного землемером Семеновым в 1802 г., земельные наделы д. Шингальчи вошли в состав Башкитляр-Кашаевской государственной дачи. В этой даче также состояли жители д. Клятле, Башкитляр-Кашаево, Ташлык и Биклян. Всего в земельном фонде дачи числились 8 528 десятин 656 сажень земли. Из них в собственности поземельной общины д. Шингальчи — 2 054 десятины 960 сажень удобных и неудобных для занятия земледелием наделов, в том числе 60 десятин усадебной земли под хозяйственными и домашними постройками, а также огородами, 377 десятин использовались под сенокосы, 1 506 десятин находились под пашней². Такое положение в целом сохранялось вплоть до 1920-х гг.³

¹ Вехи челнинской истории: сб. док. по истории Набережных Челнов / сост. В. В. Ермаков. Набережные Челны, 1998. 125 с.

² НА РБ (Национальный архив Республики Башкортостан). Ф. И-132. Оп. 1. Д. 2778.

³ Подворная перепись крестьян хозяйств Уфимской губернии. Мензелинский уезд. Уфа, 1913. С. 27.

Основной зерновой культурой на полях была озимая рожь⁴. Возделывали также овес, пшеницу, полбу, гречиху, просо, горох, коноплю и лен. Например, в 1913 г. рожью было засеяно 343,73 десятины земли, овсом — 197,50, пшеницей — 0,07, полбой — 17,47, просом — 38,86, гречихой — 20,68, горохом — 1,43, льном — 41,81, каноплей — 26,02, «прочими хлебами» — 3,32 десятины⁵.

Землю крестьяне обрабатывали в основном сохой с двумя сошниками с железной шабалкой и деревянным отвалом, использовалась также рамная борона, часто с железными зубьями. Для обработки целинных земель применялся также тяжелый сабан. В связи с тем, что таких участков ко второй половине XIX в. практически не осталось, сабан постепенно вышел из употребления. Важным фактором, препятствовавшим использованию этого орудия труда, было сокращение поголовья рабочего скота — для обработки почвы сабаном требовалось запрягать 2 — 3 лошади, в то время как у большинства крестьян в хозяйствах имелось лишь по 1 лошади.

Землю вспахивали на глубину 3 — 4 вершка (13 — 17 см). Как правило, яровое поле запахивалось глубже. В конце XIX в. начала внедряться зяблевая вспашка ярового поля, т. е. обработка земли, предполагающая дальнейшее промораживание почвы, в результате которого погибают вредные объекты. «Парить» поля для посадки ярового хлеба начинали во второй половине июня, сеять с 1 августа. Рожь вспахивали дважды — до и после посева⁶. Обработка озимого поля состояла из одной вспашки и боронования. Ранний посев проводился с 20 по 25 апреля, поздний — с 1 по 10 мая. Озимые культуры собирали с конца августа до середины сентября. Часто молотьбу зерна осуществляли еще до полного высыхания зерна, а его сушку проводили баннным или печным способом. Для просеивания зерна применялись веялки [1, с. 29].

Для переработки зерна использовались водяные мельницы. Долгое время в оброчном владении шингальчинцев находились два таких мукомольных предприятия. Сведения о них мы находим в «Экономических примечаниях к Генеральному межеванию» 1802 г.: «На речках Сабанка и Шингальчинки состоят по 2 мукомольных мельниц кой действие имеет во весь год кроме внешней воды и вымалывают в год 200 четвертей и более. Которая помолом довольствуются про дамашней расход»⁷.

Во второй половине XIX в. во владениях поземельной общины д. Шингальчи на р. Башкитлярке находилась одна водяная мельница. В конце 1880-х гг. ее арендовал крестьянин д. Ташлык Шагимардан Хасфуганов, за что он ежегодно уплачивал в пользу общины 10 руб. Мельница имела одну поставу, диаметр водяного колеса составлял 7 дюймов. Работала 6 месяцев году, имела производительность в 30 пудов зерна в сутки, т. е. за сезон изготавливала примерно 5 400 пудов муки. Особенностью этой мельницы было отсутствие искусственной плотины и запруды — она работала исключительно на основе естественного течения реки⁸. В начале XX в. мельница находилась в аренде у сына Шагимардана — Ильдархана Шагимарда-

⁴ ГА РТ (Государственный архив Республики Татарстан). Ф. 551. Оп. 1. Д. 47. Л. 8.

⁵ Подворная перепись крестьян хозяйств Уфимской губернии. Мензелинский уезд. С. 32.

⁶ Материалы для оценки земельных угодий Мензелинского уезда. Уфа, 1889. С. 30.

⁷ РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1879. Л. 321.

⁸ НА РБ. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 2222. Л. 119 об. — 220.

нова. Кроме того, на р. Шингальчинке была построена вторая водяная мельница на 1 поставе с доходностью 69 руб., арендованная Аюпом Шамсутдиновым⁹.

Также местные жители имели крупнообдирочные производства. В конце 1880-х гг. они арендовались Исламом и Мухаметшарипом Шамсутдиновыми, Ахунзяном Мухамадиевым¹⁰. В начале XX в. ими владели Зиннур Каримов (доход 22 руб.), Аюп Шамсутдинов (26 руб.), Шакир Мухамадиев (25 руб.), Ахунзян Мухамадиев¹¹.

Как и большинство татар-хлебопашцев, шингальчинцы почти не выращивали овощные культуры, предпочитая покупать их в русских селениях. До середины XIX в. жители деревни практически не выращивали картофель. Но во второй половине XIX в. эта культура довольно быстро завоевала популярность у крестьян. Картофелем засевали основную площадь приусадебных участков. Так, в 1913 г. общая площадь картофельных полей в деревне составляла 14,3 десятины¹².

Поля в д. Шингальчи находились на ровном возвышенном участке, благодаря чему их не заливала вода во время весеннего половодья. Почти вся почва была черноземная (89,5 %), небольшие участки покрывали суглинки. Чернозем имел в своем составе небольшое количество суглинков и песчаника. В связи с интенсивной сельскохозяйственной эксплуатацией и отсутствием удобрения почв ко второй половине XIX в. значительная часть пахотных наделов шингальчинцев была «выпахана» (т. е. произошло обеднение почвы), что в свою очередь привело к уменьшению урожайности¹³. Удобрение почв имело крайне ограниченный характер, что было связано с нехваткой рабочего скота и чересполосицей. Унавоживались в основном участки, прилегавшие к усадьбам. В конце XIX в. в Мензелинском уезде общая удобряемая площадь равнялась 13 тыс. десятин, что составляло всего около 8 % всей площади пара¹⁴.

Урожайность хлебов была относительно высокая. В 1910 г. рожью было засеяно 310 десятин пашни. В среднем с 1 десятины было получено 9 телег, или 45 пудов зерна (733,5 кг). Всего же было выращено 13 950 пудов ржаного хлеба (227 385 кг). Учитывая, что на 1 десятину необходимо было оставить по 9 пудов семян, жители получили 11 160 пудов (181 908 кг), которые могли использовать для собственного питания и продажи¹⁵. 1911 г. в Афанасовской волости, куда входила и д. Шингальчи, из-за холодной сухой весны и жаркого лета оказался неурожайным: по оценке местного волостного правления, большинство яровых посевов были в неудовлетворительном состоянии¹⁶.

Надо заметить, что средняя урожайность ржаного хлеба у шингальчинцев была выше, чем у крестьян соседних деревень. Так, в 1913 г. в среднем с 1 десятины

⁹ ГА РТ. Ф. 573. Оп. 3. Д. 1. Л. 67 об. — 68.

¹⁰ НА РБ. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 2223. Л. 64.

¹¹ ГА РТ. Ф. 573. Оп. 3. Д. 1. Л. 67 об. — 70.

¹² Подворная перепись крестьян хозяйств Уфимской губернии. Мензелинский уезд. С. 32.

¹³ Материалы для оценки земельных угодий Мензелинского уезда. С. 30.

¹⁴ Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. 3. Мензелинский уезд. Оценочно-статистические материалы по данным местным исследований 1896 года / под ред. С. Н. Велецкого. Уфа, 1899. С. 475.

¹⁵ ГА РТ. Ф. 551. Оп. 1. Д. 47. Л. 176.

¹⁶ Там же. Л. 187 — 188.

они получили 96 пудов зерна, в то время как татары соседней деревни Ташлык только 40 пудов¹⁷.

Из незерновых культур особое значение имели лен и конопля. Эти культуры сеяли преимущественно для личных нужд: из конопляного семени готовили масло для себя, а часть льняного масла продавали на базаре в г. Елабуге. Конопляное волокно употребляли для изготовления возовых пологов, витя веревок и других домашних надобностей. Льняное же волокно преимущественно использовалось при изготовлении одежды. Своего значения данные сельскохозяйственные культуры не утратили и в начале XX в., когда кустарные изделия из льна и конопли повсеместно вытеснялись фабричными изделиями. По сведениям волостного старшины, в 1913 г. в Афанасовской волости коноплей были засеяны 190 десятин крестьянских земель, льном — 215, в 1914 г. под коноплю были отведены 173 десятины, под лен — 304¹⁸.

Важную роль в жизни шингальчинцев играло животноводство. Лошади предназначались для пахоты и транспортных работ. Крупный и мелкий рогатый скот служил источником продовольствия и сырья для кустарных ремесел. Скотоводство имело пастбищно-стойловый характер, с весны до осени домашний скот выпасался под присмотром пастухов. Пастбища находились на севере от деревни на холмистом участке. Скот пасли также на поле, находившемся под паром, и на юге от селения, на болотистом участке, непригодном для земледелия¹⁹. Согласно сельской переписи 1884 г., шингальчинцы владели 236 лошадьми, 215 коровами, 755 овцами, 59 козами²⁰.

Благоприятные условия для развития земледелия и животноводства создавало наличие большого количества рек и озер. Речные поймы использовались для выгона скота, на реках устраивались мельницы. Важную роль в пищевом рационе местных жителей играла рыба, изобильно водившаяся в водоемах. Для некоторых крестьян данное занятие имело характер промысла, приносящего неплохой доход. «Жители, водою довольствуются из... речек и ключей, — отмечалось в «Экономических примечаниях к Генеральному межеванию», — которая к употреблению людьми и скоту здоровы, а дачаю простирается на правую сторону речки Зая. Речка Шингалчинка по левую и по обе стороны речки Ташлыка, Башкитляра, Клетленки, Чирыкань ручьев Ембая семи безмянных и пяти оврагов безмянных. Река Зай шириною в двадцать сажень, глубиною один аршин, в ней рыба сомы, шуки, окуни, плотва и пискари. Означенные речки шириною в сажень, глубиною в самих мелких местах в три вершка. В них рыба пеструшка, а ручьи течение имеют малые, в жаркие дни пересыхают... В жаркое летнее время бывает Кама шириною в 360 сажень, глубиною три аршина. Зай шириной 20 сажень, глубиной 1 аршин. Речка Сабанка, Шингалчинка, Ашманка шириною в 3 сажени, глубиною в самое жаркое время бывают 2 вершка...»²¹.

¹⁷ ГА РТ. Ф. 573. Оп. 1. Д. 3. Л. 185 об. — 189.

¹⁸ ГА РТ. Ф. 551. Оп. 1. Д. 174. Л. 131 — 131 об.

¹⁹ Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. 3. Мензелинский уезд. С. 103.

²⁰ Сборник статических сведений по Уфимской губернии. Приложения к тому 3. Мензелинский уезд. Материалы подворного исследования. 1884 / собран и обработан Д. Н. Тяжельниковым. Самара, 1900. С. 27.

²¹ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1879. Л. 318, 321.

Среди шингальчинцев были мастера-пчеловоды, производившие большое количество меда, что позволяло разнообразить пищевой рацион крестьян. В начале XX в. этим промыслом занимались 7 семей²². Крупнейшим пчеловодом деревни был Сахаби Мухамедзянов (1875 — ?), имевший 400 ульев. Этим промыслом он продолжал заниматься и в советское время. В конце 1920-х гг. он содержал 170 ульев, за что был подвергнут раскулачиванию — все его хозяйство было передано в колхоз, а его с семьей выслали в Челябинскую область²³.

На протяжении всего XIX — начала XX в. отмечается неуклонный рост численности жителей деревни. По данным 6-й государственной ревизии 1811 г., в Шингальчах насчитывалось 188 чел. мужского пола, при этом со времени предыдущей ревизии 1795 г. в селении умерло или уехало 48 чел.²⁴ 7-я народная перепись 1816 г. зафиксировала в ауле 411 ясачных татар, из которых 188 чел. были мужского и 223 чел. женского пола²⁵. Согласно сказкам 9-й ревизии 1850 г., здесь проживал уже 621 чел., в том числе 312 чел. мужского и 309 женского пола²⁶. Положительная динамика отмечалась и во второй половине XIX в.: по 10-й ревизии 1858 г., в Шингальчах проживали 735 чел., из них мужчин — 365, женщин — 370²⁷; в 1877 г. в 142 дворах насчитывалось 863 чел., в том числе мужчин — 425, женщин — 438²⁸; в 1884 г. в 182 дворах проживали 963 чел., из них мужчин — 501, женщин — 462²⁹; в 1896 г. в 220 дворах насчитывалось 1 184 чел., из них мужчин — 591, женщин 593³⁰. Таким образом, за XIX в. численность жителей деревни увеличилась более чем вдвое. Рост населения продолжился и в начале XX в. Так, согласно подворной переписи крестьянского хозяйства Уфимской губернии за 1913 г., здесь в 290 домохозяйствах проживали 1 597 татар, в том числе мужчин — 799, женщин — 798³¹. Несмотря на продолжительную Первую мировую войну и начавшую Гражданскую войну, приведшие к тому, что значительная часть мужского населения сменила крестьянскую одежду на солдатские шинели, в Шингальчах вплоть до начала 1920-х гг. продолжала сохраняться положительная динамика численности населения (рисунок). В 1919 г. в деревне насчитывалось 302 двора с 1 640 жителями³².

²² Подворная перепись крестьян хозяйств Уфимской губернии. Мензелинский уезд. С. 33.

²³ ГА РТ. Ф. Р-2173. Оп. 1. Д. 318. Л. 270.

²⁴ НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 103. Л. 23.

²⁵ Там же. Д. 294. Л. 526 об. — 527.

²⁶ Там же. Д. 668. Л. 258 об. — 260.

²⁷ Сборник статических сведений по Уфимской губернии. Приложения к тому 3. Мензелинский уезд... С. 26.

²⁸ Список населенных мест по сведениям 1870 года. XLV. Уфимская губерния / обработан ред. В. Зверинским. СПб., 1877. С. 129.

²⁹ Сборник статических сведений по Уфимской губернии. Приложения к тому 3. Мензелинский уезд... С. 26.

³⁰ Полный список населенных мест Уфимской губернии, с подразделением на волости и участки земских начальников, станowych приставов и полицейских урядников, с указанием числа дворов, численности населения, молитвенных и общественных зданий, училищ и школ, торгово-промышленных заведений, ярмарок, базаров, мельниц, хлебозапасных магазинов и проч. / под ред. исполн. обязанности секретаря комитета Н. А. Озерова. Уфа, 1896. С. 258 — 259.

³¹ Подворная перепись крестьян хозяйств Уфимской губернии. Мензелинский уезд. С. 26.

³² ГА РТ. Ф. Р-136. Оп. 1. Д. 71. Л. 64.

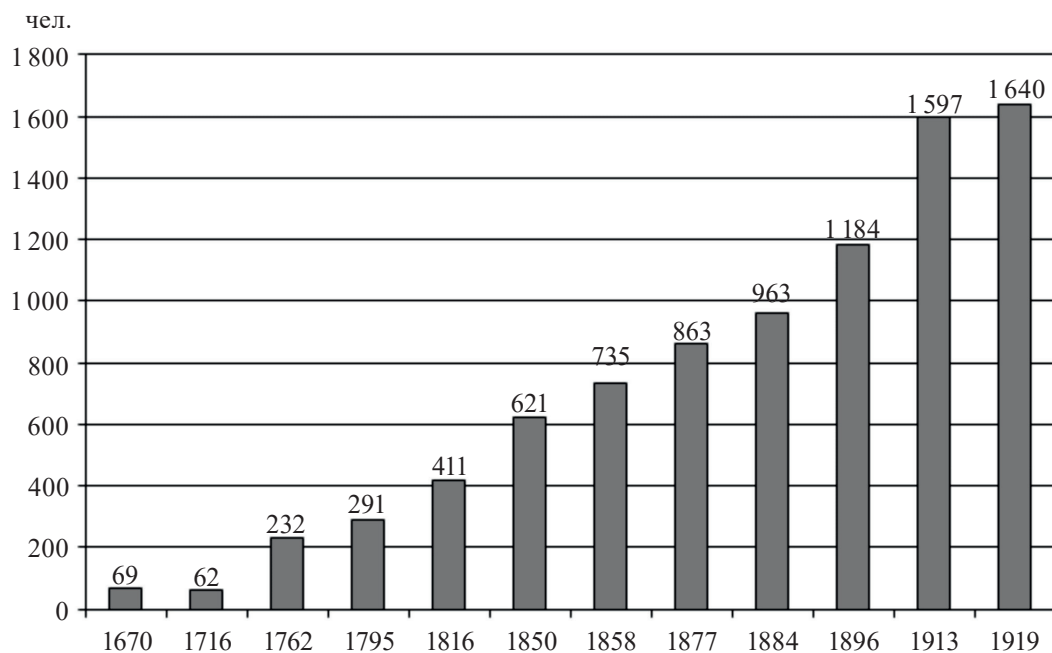

Рисунок. Динамика численности жителей д. Шингалчи в 1670 — 1919 гг.
(РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1.1. Кн. 6453, ч. 1 — 2 (№ по оп. 1174). Л. 992; Д. 146. Л. 1475 об.; Д. 1188. Л. 272 об.; НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 48. Л. 293 об. — 294; Д. 294. Л. 526 об. — 527; Д. 668а. Л. 259 об. — 260; Сборник статических сведений по Уфимской губернии. Приложения к тому 3. Мензелинский уезд. Материалы подворного исследования. 1884 / собран и обработан Д. Н. Тяжелниковым. Самара, 1900. С. 26; Список населенных мест по сведениям 1870 года. XLV. Уфимская губерния / обработан ред. В. Зверинским. СПб., 1877. С. 129; Полный список населенных мест Уфимской губернии, с подразделением на волости и участки земских начальников, станowych приставов и полицейских урядников, с указанием числа дворов, численности населения, молитвенных и общественных зданий, училищ и школ, торгово-промышленных заведений, ярмарок, базаров, мельниц, хлебозапасных магазинов и проч. / под ред. исполн. обязанности секретаря комитета Н. А. Озерова. Уфа, 1896. С. 258 — 259; Подворная перепись крестьянского хозяйства Уфимской губернии. Мензелинский уезд. Уфа, 1913. С. 26; ГА РТ. Ф. Р-136. Оп. 1. Д. 71. Л. 64)

Figure. Dynamics of the population of the village of Shingalchi in 1670 — 1919
(Russian State Archive of Ancient Acts. F. 1209. Record 1.1. Book 6453, part 1 — 2 (No. to Record 1174). P. 992; Case 146. P. 1475 verso; Case 1188. P. 272 verso; The National Archive of the Republic of Bashkortostan. F. I-138. Record 2. Case 48. P. 293 verso — 294; Case 294. P. 526 verso — 527; Case 668a. P. 259 verso — 260; Collection of static information on the Ufa province. Appendices to volume 3. Menzelinsky district. Materials of the backyard research. 1884 / collected and processed by D. N. Tyazhelnikov. Samara, 1900. P. 26; List of populated places according to information from 1870. XLV. Ufa province / ed. by V. Zverinsky. St. Petersburg, 1877. P. 129; A complete list of settlements of the Ufa province, with a division into volosts and plots of zemstvo chiefs, bailiffs and police constables, indicating the number of courtyards, population, prayer and public buildings, colleges and schools, commercial and industrial establishments, fairs, bazaars, mills, bakery shops and etc. / ed. execution duties of the Secretary of the Committee N. A. Ozerov. Ufa, 1896. P. 258 — 259; Household census of the peasant economy of the Ufa province. Menzelinsky district. Ufa, 1913. P. 26; State Archive of the Republic of Tatarstan. F. R-136. Record 1. Case 71. P. 64)

В связи с ростом населения с начала XIX в. жители д. Шингальчи начали испытывать острый «земельный голод». Если ранее эта проблема во многом решалась за счет высокой социальной мобильности — часть жителей снималась с насиженных мест и переезжала в восточные районы Приуралья, где имелся большой фонд свободных земель, то в XIX столетии в связи с массовой крестьянской колонизацией и ростом численности сельского населения в этом регионе миграционные процессы потеряли прежнюю динамику. Чтобы увеличить количество земли, шингальчинцы вместе с жителями соседней деревни Ташлык в сентябре 1827 г. обратились в Оренбургскую казенную палату с прошением размежевать им дополнительные наделы, доведя их количество до 15 десятин на ревизскую душу, что предусматривалось действующим законодательством. В связи с отсутствием свободных наделов в Башкитляр-Кашаевской государственной даче оренбургская администрация приняла решение выделить во владение шингальчинцам лесной участок, который следовало очистить под пашню. В результате местным жителям были нарезаны участки на территории казенной лесной дачи. Также нуждавшиеся в земле имели возможность взять дополнительные лесные наделы у государства в аренду, за что обязывались ежегодно выплачивать в казну фиксированный оброк³³.

Данная мера решила проблему лишь на определенное время. Во второй половине XIX в. по той же причине — сильного сельского перенаселения — шингальчинцы все острее начали ощущать нехватку пашенной земли. В результате к 1910 г. средний душевой надел земли сельчан составлял всего 2 десятины 1 961 сажень [1, с. 627]. Данного количества земли едва хватало для прокормления крестьянских семей и было явно недостаточно для полноценного развития их хозяйств. Естественным результатом этого стали быстрое обеднение значительного числа жителей деревни, уменьшение поголовья рабочего и рогатого скота. Так, согласно сельской переписи 1884 г., в Шингальчах не было ни одного домохозяйства, имевшего более 6 голов рабочего скота, всего 1 домохозяйство содержало 5 лошадей, 3 лошадей имели 4 домохозяйства, 2 — 44 домохозяйств, 1 лошадь — 91 домохозяйство, безлошадными считались 42 домохозяйства³⁴. Количество рабочего скота довольно точно отражало материальное состояние жителей. С учетом этих данных можно сделать вывод, что в то время более половины жителей считались середняками и бедняками. Тенденция к увеличению количества «маломощных» бедняцких хозяйств сохранилась и в начале XX в. Так, к 1912 г. в Шингальчах насчитывалось 61 безлошадное хозяйство, 174 семей имели только 1 лошадь, 48 семей — 2, 5 семей — 3, 2 семьи — более 4 лошадей. В это же время 60 семей в деревне не имели ни одной коровы, из них 21 семья совсем не владела скотом³⁵. «Безлошадные» крестьяне были вынуждены либо сдавать свои участки состоятельным соседям, либо арендовать скот на сезонные работы. Хозяйства, имевшие только одну лошадь, часто прибегали к совместной обработке земли с использованием лошадей нескольких семей (супряге).

³³ НА РБ. Ф. И-352. Оп. 1. Д. 218. Л. 1 — 9 об.

³⁴ Сборник статических сведений по Уфимской губернии. Приложения к тому 3. Мензелинский уезд... С. 27, 28.

³⁵ Подворная перепись крестьян хозяйств Уфимской губернии. Мензелинский уезд. С. 30.

Рост малоземелья, падение плодородия почв, экстенсивная система земледелия вынуждали крестьян расширять запашку. К концу XIX в. в связи с нехваткой обрабатываемой земли значительная часть лугов была превращена в выгоны для скота или стала использоваться под пашню³⁶. Это имело крайне негативные последствия для местных жителей. Уменьшение доли лугов привело к снижению поголовья домашнего скота³⁷. Наряду с этим изменение сложившейся экологической среды вызвало необратимые последствия, наиболее существенным из которых было быстрое заовраживание земли. В связи с весенними разливами рек и отсутствием каких-либо охранных мер два больших оврага вблизи от деревни с каждым годом увеличивались в размерах, что вело к сокращению удобных для хлебопашества земель и создавало дополнительные транспортные сложности³⁸.

Важными последствиями обезземеливания стал рост значения неземледельческих занятий (торговля, отхожие и кустарные промыслы). Этому способствовало и удачное расположение деревни — рядом проходил крупный торговый тракт из г. Бугульмы в с. Бетки, а также располагались камские пристани, с которых осуществлялась отправка грузов, в первую очередь зерна, в другие регионы Российской империи. Данные процессы увеличили миграцию местных жителей, но уже не в сельскую местность, как раньше, а в крупные торговые и промышленные центры Поволжья и Урала. Так, по неполным данным на 1914 г., на постоянной основе за пределами родной деревни и волости проживали: Фасхутдин Губайдуллин — в г. Бугульма, Байрамгали Гайфуллин и Мубаракша Каримов — в с. Набережные Челны Токмакской волости Мензелинского уезда, Гилязетдин Гирфанов и Насибулла Тухфатуллин — в г. Елабуга Вятской губернии³⁹.

Как справедливо отмечалось в одной из работ уфимского земства, «главной причиной, обуславливающей возникновение и развитие отхожих промыслов, без сомнения, являются малоземелье, обременительные, прямые и косвенные налоги, высокие арендные цены, плохие урожаи. Падение натурального хозяйства и развитие капиталистического, падение кустарных промыслов, лесоохранительный закон — все это способствовало развитию отхожих промыслов»⁴⁰. Из кустарных и отхожих промыслов, получивших распространение среди шингальчинцев во второй половине XIX в., можно назвать такие, как обработка дерева (изготовление мебели, лаптей, бочек, корзин, дуг, мочал), метала и шерсти, покраска тканей, мукомольное и маслобойное производство, портняжничество и изготовление обуви. Особой популярностью пользовались торговая деятельность, ломовой извоз (транспортировка зернового хлеба на камские пристани), бурлачество и работа на речных судах, было много чернорабочих. Беднейшие слои деревни нанимались на сезонные сельскохозяйственные работы⁴¹.

³⁶ Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. 3. Мензелинский уезд. С. 117.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. С. 103.

³⁹ ГА РТ. Ф. 551. Оп. 1. Д. 123. Л. 85 — 85 об.

⁴⁰ Отхожие, местные и кустарные промыслы в Уфимской губернии. Уфа, 1905. С. 2.

⁴¹ Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. 3. Мензелинский уезд. С. 683,

К концу XIX в. в неземледельческом производстве было занято до 10 % жителей деревни, в основном мужчин работоспособного возраста. В то время средний доход таких работников составлял 20 — 25 коп. в день. Делали кирпичи, зарабатывая по 20 коп. в день, ходили в соседние имения на сельские работы, получая 25 коп. в день. В деревне проживали 25 печников (доход которых составлял по 10 руб. за лето), 1 кузнец (до 25 руб. в год) и 1 плотник (доход до 5 руб. в год)⁴².

В начале XX в. в Шингальчах имелись следующие ремесленные производства: три кузницы, принадлежавшие Хадиулле Садыкову (доход 7 руб.) и Ульдану Файзуллину (5 руб.), Тазитдину Тимиргалину (7 руб.), и одна шерстобитка Хабибуллы Шарифуллина (доход 22 руб.)⁴³. Т. Тимиргалин, кроме того, вел торговлю железно-скобяными изделиями в близлежащих деревнях⁴⁴.

К 1912 г. разными промыслами в д. Шингальчи занимались 199 чел. из 180 семей деревни⁴⁵. Одной из особенностей кустарных промыслов шингальчинцев была ее «внутренняя» направленность. В связи с отдаленностью от крупных городских и промышленных центров местные кустари ориентировались в первую очередь на удовлетворение внутреннего спроса сельского населения, часто изготавливая товары для конкретных лиц и практически не производя их для продажи на крупных торговых площадках Поволжья и Приуралья.

Важное значение в хозяйственной жизни местных жителей играла расположенная на Каме пристань Святой Ключ. Сюда в период навигации (с марта по октябрь) на заработки съезжались крестьяне со всей Афанасовской волости. В основном нанимались грузчиками (загрузка и выгрузка зернового хлеба на баржи), зарабатывая в навигацию пешими по 15 руб., конными по 25 руб.⁴⁶

К сезонным промыслам шингальчинцев следует отнести заготовку и транспортировку леса. Афанасовская волость была одним из немногих районов Восточного Закамья, где вплоть до начала XX в. сохранялись крупные лесные массивы, занимавшие до 40 % земельного фонда. В зимнее время многие крестьяне подражались на рубку леса и заготовку дров, что приносило им от 10 до 30 руб. дохода за сезон⁴⁷.

Численность шингальчинцев, промышлявших отходничеством, сильно колебалась в разные годы и зависела от материального состояния местных жителей. В богатые урожайные годы, когда земледельцы могли прокормиться полученным урожаем, число отходников было небольшим, напротив, в голодные годы оно резко увеличивалось. Например, в относительно благополучный 1884 год Афанасовское волостное правление выдало шингальчинцам всего 20 видов на отлучку из места жительства, в том числе один на год, 19 на один месяц⁴⁸.

⁴² Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. 3. Мензелинский уезд. С. 103.

⁴³ ГА РТ. Ф. 573. Оп. 3. Д. 1. Л. 68 об. — 69.

⁴⁴ ГА РТ. Ф. 551. Оп. 1. Д. 39. Л. 43.

⁴⁵ Подворная перепись крестьян хозяйств Уфимской губернии. Мензелинский уезд. С. 33.

⁴⁶ Кустарное дело в Уфимской губернии: отчет Делопроизводителя Уфимского Губернского кустарного комитета Н. П. Газова. Уфа, 1900. С. 38 — 42.

⁴⁷ НА РБ. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 1606. Л. 12 — 13.

⁴⁸ Сборник статических сведений по Уфимской губернии. Приложения к тому 3. Мензелинский уезд... С. 29.

Развитие отхожих промыслов имело важное значение в социально-экономическом и культурном развитии деревни. Татарин-хлебопашец, весь мир которого ограничивался родным селением и волостью, уезжая в крупные городские и промышленные центры, расширял кругозор, вступал в тесные контакты с представителями других народов, знакомился с передовыми для того времени технологиями производства, осваивал ремесла. «На больших рынках труда крестьянин выходит из того небольшого круга интересов, которыми он живет у себя дома. Сталкиваясь с кипучей жизнью города, где могущество капитала и неравенство социальных отношений резко подчеркивается и всей тяжестью ложится на него, как продавца рабочей силы, побывавший на заработках становится уже не тем, чем он был раньше», — отмечалось в одном из исследований Уфимского земства⁴⁹.

В целом, хотя с проникновением капиталистических отношений в деревню во второй половине XIX — начале XX в. число отходов в Восточном Закамье росло, их количество было меньше, чем в соседних регионах, поскольку Уфимская губерния в отличие от поволжских губерний продолжала оставаться преимущественно аграрным краем и здесь отсутствовали крупные промышленные фабрично-заводские центры, на горных же заводах ощущался переизбыток «рабочих рук»⁵⁰.

Развитию торговли и связанных с ней промыслов способствовало удачное расположение деревни. Наиболее крупной торговой площадкой Мензелинского уезда, на которой вели торговые операции и предприимчивые шингальчинцы, был г. Мензелинск. Как отмечалось в «Справочной книге „Москва — Сибирь“», «в торговом отношении Мензелинск занимает видное место не только в своей губернии, но и во всей России; значение Мензелинска, как торгового города, сосредоточивается на ярмарке, происходящей с 20 декабря до 11 января. По своим оборотам эта ярмарка занимает третье место и уступает только Нижегородской и Ирбитской, и служит местом обмена европейских товаров на азиатские»⁵¹.

Наряду с г. Мензелинском местные предприниматели во второй половине XIX — начале XX в. торговали на проводившемся еженедельно в воскресенье базаре в волостном центре — с. Афанасове⁵².

Было в деревне и много мелких торговцев, сбывавших товар с «рук» и лотков. Они ездили по деревням и крупным ярмаркам, проводившимся в Мензелинском уезде в Актаныше (с 24 сентября по 8 октября), Заинске (с 24 по 28 ноября), Кузайкине (с 14 по 16 декабря), Набережных Челнах (с 6 по 12 мая и 26 по 28 сентября), Новом Мазине (с 29 июня по 1 октября), Старом Багряше (с 15 по 17 марта), Шугане (с 10 по 16 октября и с 15 по 21 декабря)⁵³.

Развитой формой торговой деятельности была скупка продуктов сельскохозяйственного производства для дальнейшей оптовой продажи. Среди жителей д. Шингальчи получила распространение торговля кожей. Этим промыслом, в частности,

⁴⁹ Отхожие, местные и кустарные промыслы в Уфимской губернии. С. 3.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Справочная книга «Москва — Сибирь»: посредник-указатель торгово-промышленных фирм г. Москвы и Сибири на 1906 г. Год второй. М., 1906. С. 521.

⁵² НА РБ. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 1238. Л. 4 об.

⁵³ Адрес-календарь Уфимской губернии на 1910 г. Уфа, 1910. С. 55 — 61.

занимались Нургали Валидов и Сафа Мухаметшин⁵⁴. Наиболее крупные продавцы кож Афанасовской волости жили в соседней деревне Ташлык: Валиахмет Шагиахметов покупал ежегодно кожи на сумму от 500 до 2 000 руб., Юнус Сабитов — до 10 000 руб.⁵⁵

Торговля была хлопотной, сопряженной с множеством «подводных камней» деятельностью, требовавшей от предпринимателя энергии и смекалки. Торговец сталкивался с частыми проверками, административным давлением, должен был ежегодно покупать свидетельство на торговлю, исполнять многочисленные предписания государственных чиновников. Любое нарушение грозило крупными штрафами. Несмотря на это, торговая деятельность продолжала оставаться важным неземледельческим промыслом шингалчинцев, что позволяло им получать дополнительный доход, а некоторым наиболее активным и предприимчивым стать по меркам сельской местности состоятельными людьми, баями-капиталистами.

Заключение

Таким образом, исходя из приведенных материалов по д. Шингалчи можно сделать вывод, что татарская деревня Восточного Закамья в XIX — начале XX в. динамично развивалась и адаптировалась к быстро менявшимся социально-экономическим условиям жизни. Одними из показателей этих процессов явились рост социальной мобильности сельского населения и повышение значения неземледельческих занятий, хотя сельские жители стремились сохранить традиционный уклад жизни.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кречетович И. П. Крестьянская реформа в Оренбургском крае (по архивным данным). Т. 1. Подготовка реформы. М.: Синод. тип., 1911. 627 с.
2. Роднов М. И. Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века (1900 — 1917 гг.): социальная структура, социальные отношения. Уфа: Дизайн ПолиграфСервис, 2002. 312 с.
3. Татарские селения Восточного Закамья / отв. ред. А. И. Ногманов. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2021. 276 с.
4. Халиков Н. А. Хозяйство татар Поволжья и Урала (середина XIX — начало XX в.) / АН Респ. Татарстан, Ин-т яз., лит. и истории им. Г. Ибрагимова. Казань: ИЯЛИ, 1995. 200 с.

Статья поступила в редакцию 06.03.2024; одобрена после рецензирования 27.03.2024; принята к публикации 03.04.2024.

Информация об авторах:

Радик Равильевич Ишakov, заведующий отделом истории Поволжья и Приуралья Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, Россия, г. Казань, ул. Батурина, 7), доктор исторических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7303-408X>, ishakovist@gmail.com

Халида Зиннатовна Багаутдинова, научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, Россия, г. Казань, ул. Батурина, д. 7), ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-1809-8556>, halida12_61@mail.ru

Вклад авторов:

Ишakov Р. Р. — разработка концепции, сбор материалов и анализ литературы, написание первоначального варианта статьи;

Багаутдинова Х. З. — разработка концепции, сбор материалов, научное редактирование статьи.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Krechetovich IP. Peasant reform in the Orenburg region (according to archival data). Moscow;1911;1. (In Russ.)
2. Rodnov MI. The peasantry of the Ufa province at the beginning of the twentieth century (1900 — 1917): social structure, social relations. Ufa;2002. (In Russ.)
3. Tatar villages of Eastern Trans-Kama region. Kazan;2021. (In Russ.)
4. Khalikov NA. Economy of the Tatars of the Volga region and the Urals (mid-XIX — early XX centuries). Kazan;1995. (In Russ.)

The article was submitted 06.03.2024; approved after reviewing 27.03.2024; accepted for publication 03.04.2024.

Information about the authors:

Radik R. Iskhakov, Head of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (7 Baturina Str., Kazan 420111, Russia), Doctor of Historical Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7303-408X>, ishakovist@gmail.com

Khalida Z. Bagautdinova, Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7 Baturina Str., Kazan 420111, Russia), ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-1809-8556>, halida12_61@mail.ru

Contribution of the authors:

Iskhakov R. R. — concept development, collecting materials and analyzing the literature, writing the original version of the article;

Bagautdinova Kh. Z. — concept development, collecting materials, scientific editing of the text.

Conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.